

Адольф фон Гарнак. Маркион

ДАТА: 20.11.2017 АВТОР: SKIFOS

Маркиона нельзя назвать гностиком в строгом смысле этого слова[1], поскольку он не руководствовался спекулятивным научным или даже апологетическим или сотериологическим интересом[2]. Он делал упор в первую очередь на веру, а не на гнозис[3]. В своих идеях он никогда не использовал элементы семитской мудрости и методы греческой религиозной философии[4]. Он никогда не делал различий между эзотерической и экзотерической сторонами религии. Он стремился к публичности проповеди и пытался реформировать христианство в противовес попыткам создания школ гнозиса и мистериальных инициатических культов.

Только после неудачной попытки реформации он основал свою собственную церковь, в которой определяющими принципами были братское равенство, свобода от церемоний и строгая евангелическая дисциплина[5]. Будучи увлечен новизной, уникальностью и величием благовестия Павла, его Евангелием Божьей милости во Христе, Маркион пришел к выводу, что все другие концепции Благой вести и особенно ее соединение с ветхозаветной религией, враждебны истине[6]. Он был уверен, что необходимо четко разделить закон и Евангелие, гнев и милость, дела и веру, плоть и дух, грех и праведность, смерть и жизнь. Основу своих взглядов он находил в критике Павлом Ветхого Завета, выделяя два первоначала: праведного и гневливого ветхозаветного бога, тождественного создателю мира и Благого Бога Евангелия, неизвестного до прихода Христа, который есть любовь и милость[7]. Паулинизм во всей его религиозной силе, но без диалектики, без иудейско-христианского взгляда на историю, отделенный от почвы Ветхого Завета, был для Маркиона истинным христианством.

Маркион, как и Павел, чувствовал, что ценности нормативного закона с заповедями и церемониями очень сильно отличались от ценностей универсального закона любви[8]. Соответственно он оценил идею Павла о вере; для Маркиона вера это упование на незаслуженную людьми Божью благодать, которая открылась во Христе. Но Маркион был греком, на которого оказал влияние религиозный дух времени, поэтому он изменил этический контраст доброго и законного на контраст между духовным и чувственным, к которому применим закон природы. Маркион не верил в триумф добра на земле и соответствующим образом скорректировал точку зрения о том, что мир и его история находятся в руке Божьей на эмпирический взгляд на мир и события[9], которые происходят в нем. Влияние на эти взгляды несомненно оказало суровое отношение раннего христианства ко всему мирскому. Размышления о первопричине этого контраста были главным фактором для Маркиона. Судя по всему, сподвигло его на это размышление общение с сирийским гностиком Кердоном.

Многочисленные противоречия, возникающие, когда мы пытаемся рассматривать взгляды Маркиона как систему, равно как и тот факт, что его ученики перепробовали все возможные концепции доктрины первоначал и по-разному описывали взаимоотношения двух Богов, являются важнейшим доказательством того, что взгляды Маркиона носили религиозный характер. Он имел дело не с принципами, а с живыми существами, чью силу он чувствовал, в Евангелии он искал не объяснения мира, но искупления от мира[10], полагая что ничто не может сравниться с благодатью, данной Христом[11]. Особое внимание следует уделить следующим пунктам учения Маркиона:

1. Маркион интерпретировал Ветхий Завет в буквальном смысле и отрицал все аллегории. Он признавал его откровением творца мира и бога иудеев, однако противопоставлял его Евангелию. Он продемонстрировал противоречия между Ветхим Заветом и Евангелием во своей книге «Антитезы»[12]. В Ветхозаветном Боге он видел сущность, чьими характеристиками являются

строгость и справедливость, и, следовательно, гневливость, раздражительность и отсутствие сострадания. Закон, управляющий природой, и человек, как казалось ему, соответствуют характеристикам этого бога и данному им закону. И потому этого бога Маркион считал творцом и богом мира (*kosmokratos*). Поскольку закон, управляющий миром, с одной стороны неизменный, а с другой – полон противоречий и жестокости, то и ветхозаветному закону соответствуют те же самые характеристики. Бог-творец по Маркиону это сущность, которая соединяет в себе всевозможные атрибуты от справедливости до злобности, от упрямства до непоследовательности[13]. К этой концепции творца легко подошла бы сирийская гностическая теория о том, что он является злой сущностью, поскольку принадлежит материальному миру. Маркион не принимал ее в принципе[14], но испытал ее влияние[15]. На основании Ветхого Завета и эмпирических наблюдений Маркион делил людей на добрых и злых, хотя считал их всех, их души и тела, творением демиурга. Добрые пытаются исполнить закон демиурга. С внешней стороны это лучше, чем отказываться повиноваться ему. Однако это отличие не имеет решающего значения. Принятие помощи Божественной благодати – единственное значимое отличие. Праведные люди менее восприимчивы к ней, чем грешники. Поскольку Маркион считал Ветхий Завет достойным доверия (в отличие от своего ученика Апеллеса), он принимал все предсказания о Мессии, которого пришлет творец мира и который будет воинственным героем, устанавливающим земное царство «праведного» Бога[16].

2. Маркион противопоставлял благого Бога любви творцу мира[17]. Этот Бог явлен только в Христе. До Христа он был абсолютно неизвестен людям[18], которые чужды ему во всех отношениях[19]. Только по причине своей доброты и милосердия – двух основных атрибутов Божества, которое не судит и не гневается – он оказал помощь существам, полностью чуждым ему, поскольку не мог больше наблюдать за тем, как издевается над ними их праведный, но злобный господин[20]. Бог любви явил себя в Христе и провозгласил новое царство (*Tertull., adv. Marc. III. 24. fin.*). Христос призвал к себе трудящихся и обремененных[21], пообещав освободить от оков их господина и мира. Во

время своего странствия по земле он проявлял милосердие ко всем и делал прямо противоположное тому, что делал создатель мира. Верующие в бога-творца распяли его на кресте. Но пойдя на это, они, сами не желая того, послужили его цели, поскольку его смерть была той ценой, которой Бог любви выкупил людей у творца мира[22]. Тот, кто возлагает свои надежды на Распятого, теперь может избежать сил творца мира и перейти в царство Благого Бога. Но опыт показал, что иудеи, люди праведные в соответствии с законом создателя мира, не стали обращаться в веру Христа. Это сделали грешники, принявшие послание искупления. Таким образом, Христос спас из преисподней не ветхозаветных праведников (Gen. I. 27. 3), но грешников, не подчинявшихся творцу мира. Маркион разделял с гностиками ту идею, что Благой Бог спасает только души, но не тела верующих. Противопоставление духа и материи кажется здесь определяющим. Благой Бог любви становится Богом Духа, тогда как ветхозаветный бог – богом плоти. Маркион приписывал Благому Богу такие качества как любовь, неспособность гневаться, считал его совершенной возвышенной сущностью, свободной от всех аффектов. Однако здесь он впадал в противоречие. Маркион учил, что дух человека также чужд благому Богу, как и его тело. Но строгий аскетизм маркионитов основывался на греческом метафизическом контрасте плоти и духа, который проступает в учении Павла.

3. На первый взгляд кажется, что Маркион считал двух богов равными друг другу[23]. Согласно наиболее надежным свидетельствам, сам учитель утверждал, что оба они несотворенные, вечные и так далее. Но если мы присмотримся к мировоззрению Маркиона внимательнее, мы поймем, что в нем нет ни малейшего намека на равенство. Он не только провозглашает, что творец мира — противоречивая сущность, ограниченная в силе и знании, но вся доктрина искупления свидетельствует о том, что он ниже благого Бога. Не будем останавливаться на деталях, но очевидно, что творец ничего не знал о существовании благого Бога и что демиург полностью бессилен против него. В конце истории Благой Бог победит творца. История человечества в своем завершении полностью определяется первым. Праведный бог появляется в

конце истории не как независимая сущность, враждебная благому Богу, но как тот, кто подчинен Ему[24]. Некоторые ученые, например Неандер, даже утверждают, что доктрина Маркиона проповедовала один принцип и что творец, согласно воззрениям Маркиона, лишь ангел благого Бога. При определенных допущениях можно прийти к такому мнению, однако надежные свидетельства опровергают его. Особенность учения Маркиона в том, что, как только мы поднимаемся от уровня практических размышлений до непротиворечивой теории, мы находим там тугой узел противоречий. Теоретические противоречия объясняются разными интересами, которые пересекались в маркионизме. Во-первых, Маркион был зависим от паулинианской теологии и защищал все, что восходило к апостолу Павлу. Во-вторых, на него оказывал влияние контраст двух этических сил. Этот контраст требовал метафизического базиса, и его реальное решение, казалось, препятствует такому основанию. Наконец, гностицизм, парадоксы Павла, идея о необходимости умерщвления плоти подсказали Маркиону мысль о том, что благой Бог это возвышенный Бог духа, тогда как праведный бог – чувственный бог плоти. Идея эта, основанная на принципе метафизического дуализма, объясняет почему Маркион не пытался произвести праведного бога от Благого Бога. Его ученики, несомненно, видели эти противоречия. Чтобы убрать их, некоторые из них выдвинули доктрину трех принципов: благого Бога, праведного творца мира и злого бога, рассматривая творца иногда как независимую сущность, иногда как сущность подчиненную благому Богу. Другие возвращались к чистому дуализму, противопоставляя духовного и материального Богов. Апеллес – наиболее значительный из маркионовых учеников, провозглашал веру в одного Бога и считал творца мира и сатану его ангелами, стараясь не уклониться от мысли учителя, и следуя его установкам[25]. Об Апеллесе известно, что он основал собственную церковь, но другие ученики, как кажется, не откалываются от церкви Маркиона. Все те, кто исповедовал веру в принципы, разработанные учителем – в то, что законы истории и природы, равно как и традиционные законность и праведность противоречат акту божественности милости, явленной в Христе, в то что сердечная любовь и вера представляют собой контраст самодовольной

гордости и природной религии, — те, кто отверг Ветхий Завет и исповедовал благую весть, провозглашенную Павлом, те, кто считал, что Евангелие требует умерщвления плоти и ухода от мира, чувствовали себя членами одного и того же сообщества, и им позволялось свободно высказываться по тем или иным вопросам.

4. Маркион не подчеркивал специально отличие между благим Богом и Христом, что невозможно отрицать, исходя из посланий Павла. Для него Христос был манифестацией благого Бога[26]. Но Маркион учил, что у Христа не было ничего от тварного мира Демиурга, что он сошел с неба на 15-й год правления Тиберия и в кажущемся теле начал проповедь в синагоге Капернаума[27]. Этот однозначный докетизм, отрицающий рождение и подверженность Иисуса всему человеческому[28] — важный элемент маркионового отрицания мира. Возможно он вырос из негативного отношения ранних христиан ко всему мирскому, но выводы, которые сделал из этого негативизма Маркион, уходят корнями в греческое противопоставление материи и духа. Докетизм Маркиона тем более примечателен, что под влиянием Павла, он придает большое значение смерти Христа на кресте. Это еще один яркий пример противоречий во взглядах Маркиона, которые вынуждены были решать его ученики. Но мы точно знаем, что Маркион признавал величие и уникальность искупления через Христа, благодаря его смерти на кресте.

5. Эсхатология Маркиона достаточно рудиментарна. Вслед за Павлом он предполагал, что в будущем церковь Благого Бога ждут яростные атаки со стороны иудейского мессии, антихриста. Его учение, как кажется, не включало в себя ожидания второго пришествия, но, несмотря на благость и всемогущество Бога, конец истории по Маркиону обещал быть двойственным. Ему было чуждо представление о спасении всех людей, которое, казалось бы, следует из безграничной благости Бога. В связи с этим, он, хотя и отрицал идею о Божьем суде, не мог полностью исключить мысль о судящем Боге.

Мы не знаем христианской общины второго века, которая столь строго бы следовала идее отречения от мира, как маркиониты. Они не разрешали брак. Женатые, принимались в общину только после развода. Большой упор уделялся вопросам еды и питья. Мученичество приветствовалось. И поскольку в мире они были «ненавидимыми и преследуемыми» члены общины чувствовали, что они ученики Христа[29].

6. Маркион определил свое отношение к доминирующей форме христианства, которое с одной стороны опиралось на Ветхий Завет, а с другой оставляло возможность для секулярной модели этики, утверждением, что оно было извращено иудаизмом и таким образом нуждалось в реформации[30]. Но он не мог отрицать, что порча христианства произошла давно. Сознание этого привело его к исторической критике всей христианской традиции[31].

Маркион был первым христианином, кто взял на себя такую задачу. Писания, на которые он опирался – послания апостола Павла – заложили основу для этого. В остальной христианской литературе он не нашел ничего, что гармонировало бы с Павловым Евангелием. Но в посланиях апостола он нашел объяснение своих выводов. Двенадцать апостолов не поняли Христа, считая его иудейским Мессией бога-творца[32]. Христос дал Павлу особое откровение, чтобы Евангелие благого Бога не было утеряно из-за фальсификаций[33].

Но Павла тоже поняли немногие (или никто?). Его Евангелие поняли неверно, его послания дополнили сфабрикованными пассажами[34], которые провозглашали тождество бога-творца и Бога – искупителя. Маркион чувствовал, что он должен реформировать церковь[35]. Он не ссылался на откровение, как Павел. Поскольку послания Павла и аутентичное Евангелие Господне уже существовали, необходимо было только очистить их от интерполяций и восстановить оригинальное учение Павла, которое само по себе представляло Евангелие. Но необходимо было добиться, чтобы истинное христианство сохранилось в будущем. Маркион, вероятно, был первым, кто решил поместить христианское учение на твердое основание и создать

собрание христианских писаний с каноническим авторитетом[36]. Он не был мыслителем, но обладал организаторским талантом, которому не было равных в ранней церкви. Если мы примем во внимание высокие требования, которые выдвигались Маркионом, а с другой стороны посмотрим на результаты его деятельности, то будем весьма удивлены. Около 160 года там где существовали христианские общины существовали также маркионитские общины с фиксированной, но свободной формой организации с единым канонем и общим представлением о сути христианства, члены этих общин отличались строгой моралью и готовностью к мученичеству[37]. Католическая церковь была только в процессе роста и еще не скоро она достигла прочности маркионитской церкви, которую та получила, благодаря деятельности одного человека, который был настолько одухотворен верой, что мог противопоставить свою концепцию благой вести всем остальным. Маркион первый построил твердое основание для христианства; благодаря абсолютности своей веры он не стремился к опоре на секретную традицию, пророчества или природную религию.

© Источник: Adolf Von Harnack. History of Dogma translated from the Third German edition by Neil Buchanan. Boston. Little, Brown, and Company. 1901. – p. 266-281.

© Перевод: **Андрей Васильев**, 1 мая 2015 года.

[1] Он происходил с Понта и был богатым судовладельцем. Около 139 года Маркион приехал в Рим, уже будучи христианином, и некоторое время являлся членом церкви. Однако не смог преуспеть в своей попытке реформировать ее и порвал с церковью около 144 года. Он основал собственную церковь и развил большую активность. Он распространял свои взгляды, и очень скоро его имя стало известно во всех провинциях империи (Adamantius, de recta in deum fide, Origen, 9pp. ed. Delarue I. p. 809; Epiph. h. 42. p. 668. ed. Oehler). Его общины были организованы как церковь (Tertull, de praescr. 41, и adv. Marc IV.5) и имели церковную иерархию: пресвитеров, епископов и так далее (Euseb., H. E. IV. 15. 46: de Mart. Palaest. X. 2: Les Bas and

Waddington, *Inscript. Grecq. et Latines rec. en Graece et en Asie Mm. Vol. III. No. 2558*). Юстин (*Apol. 1. 26*) около 150 года пишет, что проповедь Маркиона распространилась на «весь род людской», около 155 года маркиониты были многочисленны в Риме (*Iren. III. 34*). Вплоть до своей смерти Маркион не расставался с мыслью о возможности приобрести весь христианский мир; он вновь и вновь искал связи с ним (*Iren. I. с.; Tertull., de praescr. 30*), равно как и его ученики (см. о диспуте Апеллеса с Родоном в *Euseb., H E. V. 13. 5* и диалог маркионитов с Адамантием). Не исключено, что Маркион сформировал основы своей доктрины до приезда в Рим. В Риме на него оказал большое влияние сирийский гностик Кердон, таким образом, мы можем выявить гностический элемент в маркионитской доктрине, дошедший до нас.

[2] «Для нашего Бога достаточно одного дела, — говорят маркиониты, — что он освободил человека по великой и несравненной своей благодати» (*Tertull., adv. Marc. 1.17*).

[3] Ученик Маркиона Апеллес говорил, что «не надо исследовать Писание: пусть каждый остается при своей вере. Он утверждал, что надеющиеся на Распятого спасутся, но только если делали хорошие дела». (*Euseb., II. XIII. V.*).

[4] Это очень важный момент. Маркион отрицал все аллегории (См. *Tertull., adv. Marc. II. 19. 21. 22: III. 5. 6. 14 19: IV. 15. 20: V. I; Orig., Comment. in Matth. T. XV. 3 Opp. III. p.655: in. ep. ad. Rom. Opp. IV. p.494 sq.: Adamant., Sect. I, Orig. Opp. I. pp. 808. 817; Ephr.Syrus., hymn. 36 Edit. Benedict, p.520 sq.*). Он старался избежать трансформации Евангелия в греческую философию. Ни в одном из его утверждений нет даже намека на философские формулы. Что еще более важно, ни один из его ранних оппонентов не приписывает Маркиону создания системы, подобной системам Василида и Валентина. Нет сомнений, что Маркион не создал своей системы (армянин Езник дает описание системы маркионитов, но она намного более позднего происхождения *Harnak Ztschr. f. wiss. Theol. 1896. p. 50 f.*). У него не было апологетического или рационалистического интереса. Юстин (*Apol. I. 58*) пишет, что маркиониты «смеются над нами; между тем не имеют никакого доказательства своим

мнениям». Тертуллиан вновь и вновь бросает упрек Маркиону, что тот не предоставляет доказательств III. 2.3.4: IV.1: «Внезапно Христос, внезапно Иоанн. Так у Маркиона все, что у творца имеет свое собственное совершенное устройство». Родон (Euseb., H.E. V.13.4) говорит о двух учениках Маркиона Потите и Василиске: «Они, идя по пятам за понтийским волком и не различая, как и он, природы вещей, свернули на путь легкий и заявили о существовании двух начал просто и бездоказательно». Об Апеллесе сохранилось следующее свидетельство: «Когда я ему говорил: «Откуда у тебя доказательства? Как ты можешь говорить, что есть единое начало? Скажи!», он говорил, что пророчества сами изобличают себя и что в них нет ни слова правды: они между собой не согласны, лживы и противоречат одно другому. А что есть одно начало, он, по его словам, этого не знает, а только его влечет к этой мысли. Я заклинал его сказать мне правду, и он поклялся в правдивости своих слов: он не понимает, как это есть единый нерожденный Бог, но верует в Него. Я засмеялся и укорил его, что он, называя себя учителем, не знает, как доказать то, чему учит». Маркион придавал значение только вере и избегал всех философских парафразов и аргументаций. Можно добавить, что Маркион не вводил новых элементов (эоны, материя и т.д.) в свои евангельские взгляды и не учил восточным религиозным знаниям. Поздние маркионитские спекуляции о материи (см. сообщение Езника) не должны приписываться самому учителю, как это следует из второй книги Тертуллиана против Маркиона. Утверждение, что творец мира создал свою материю действительно встречается у Маркиона (см. Tertull., I.15; Hippol., Philos. X. 19), но он воздерживается от спекуляций на эту тему. Маркион не допускал также спекуляций о Благом Боге. Tertull., adv. Marc. I. 14.15: IV. 7.

[5] О церковной системе маркионитов Tertull., adv. Marc. I. 14,21, 23,24,28,29: III.1,22: IV. 5,34:V.7, 10,15,18.

[6] Маркион изначально принадлежал к католической церкви, это отмечено Тертуллианом и Епифанием, а также засвидетельствовано в одном из его собственных писем.

[7] Tertull., adv. Marc. I. 2, 19: «Разделение Закона (Торы) и Евангелия является собственным и главным делом Маркиона...дабы из различия идей каждого Писания сделать вывод также и о различии богов». II.28, 29: IV.1; 1.6:

«Маркион вводит неравных богов: одного — судью, свирепого, воинственного, другого-кроткого, миролюбивого, исключительно хорошего и наилучшего». Iren. 1.27.2. «За ним последовал Маркион из Понта, который распространил это учение. Он бесстыдным образом богохульствовал, говоря, что проповеданный законом и пророками Бог есть виновник зла, ищет войны, непостоянен в своем намерении и даже противоречит Себе. Иисус же происходил от Того Отца, Который выше Бога Творца мира».

[8] Tertull., adv. Marc. 1.27: Маркиониты даже хвастаются, что совершенно не боятся своего Бога. «Ведь злой, — говорят они, — внушает страх. Добрый же — любовь». Отвечая на вопрос, почему же они не грешат, если они не боятся Бога, маркиониты ссылались на Рим. 6:1-2.

[9] Tertull., adv. Marc. I. 2 :11. 5.

[10] Tertull, I. 19: «Что ж, — говорят маркиониты, — наш Бог, даже если не с самого начала, даже если не посредством творения, однако открылся через Самого себя в Христе Иисусе». Тот факт, что в маркионизме было много теологических тенденций и что они были взаимно толерантны, говорит в пользу того, что маркионитская школа опиралась на сформулированную систему веры.

[11] Маркиониты задавали своим церковным оппонентам вопрос (Iren., IV. 34. i) «что же нового принес Господь пришествием Своим?», чем ставили их в неудобное положение.

[12] См. Tertull I. 19:II. 28. 29: IV. I, 4, 6: Epiph.; Hippol., Philos. VII. 30; эту книгу использовали также и гностики. Вполне вероятно, что 1Тим 6:20 направлен против маркионовых «Антитез». Апеллес, ученик Маркиона, написал книгу под названием «Силлгозимы». «Антитезы», которые частично

реконструируются из отчетов Тертуллиана, Епифания, Адамантия, Ефрема и других, обладали каноническим авторитетом в маркионитской церкви, заняв место Ветхого Завета. Это видно, в частности, из Tertull., I. 19: «Разделение Закона (Торы) и Евангелия является собственным и главным делом Маркиона, и ученики его не смогут отрицать, что считают это важнейшей частью учения, посредством чего они посвящаются в эту ересь и укрепляются в ней. Ибо это — «Антитезы», т. е. встречные противопоставления, которые пытаются внести раздор между Евангелием и Законом, дабы из различия идей каждого Писания сделать вывод также и о различии богов».

[13] Тертуллиан часто указывает на противоречия в маркионитской концепции бога-творца. Эти противоречия, однако, исчезают, если мы будем рассматривать маркионова Бога через призму того, что представляет собой откровение в Ветхом Завете.

[14] Творец мира по Маркиону «злой» «malignus», но не злой «malus».

[15] Маркион соприкасался с ней, когда учил, что «видимое» принадлежит богу-творцу, тогда как «невидимое» благому Богу (I. 16). Он даже придерживался докетической христологии и признавал спасение только души.

[16] См. третью книгу Tertull., adv. Marcion.

[17] «единственно благой», «лучший Бог».

[18] Также устойчивым сочетанием было «неизвестный Бог».

[19] Маркион всячески подчеркивал это и апеллировал к посланиям Павла; см. Tertull., I. 11,19, 23: «Я знаю, что скажут: «Та есть первая и совершенная доброта, которая без какого бы то ни было обязательства, накладываемого близостью, добровольно и свободно изливается на посторонних; в соответствии с этим нам приказано любить наших недругов, а, следовательно, и чужих». Почему же он не с самого начала стал заботиться о человеке, который был для него чужим изначально?». Отцы церкви всячески

подчеркивали, что Маркионов Бог является вором и грабителем см. Orig. VI. 53.

[20] см. сообщение Езника, которое, однако, надо принимать с осторожностью.

[21] Маркион особенно выделял соответствующие пассажи из Евангелия от Луки, см. его «Антитезы» и комментарии на Евангелие, сохраненные Тертуллианом (I. IV).

[22] Об этом можно прочесть у Езника. Эта мысль присутствовала у Маркиона, так как он следовал Павлу (см. Tertull., I. V. and I.11). Апеллес также подчеркивал смерть на кресте

[23] Tertull. 1.6: Marcion non negat creatorem deum esse.

[24] Здесь свидетельство Тертуллиана Tertull., I. 27, 28, является особенно важным II.28: IV.29 (к Лк. XII. 41-46): IV. 30. Согласно Маркиону, Благой Бог не судит и не наказывает; но его суд заключается в том, что он удерживает зло на расстоянии от себя: оно чуждо Ему. «На вопрос, что будет грешнику в Судный день, они отвечают, что он будет исторгнут. Куда? С глаз долой». «Ведь они (т. е. еретики) пытаются смягчить смысл сказанного, относя его к богу Маркиона, словно бы делом только невозмутимости и кротости было отделять и назначать ему удел вместе с неверными, и словно бы он в качестве возвращенного в свое состояние не оказывался призван к ответу». «Каков же конец у этого отверженного? Он будет объят огнем Творца?» На первый взгляд может показаться, что творец принимает грешников с радостью: но поскольку это бог закона, то он наказывает грешников. Конец видится двойственным: небо Благого Бога и ад творца мира. Возможно, Маркион был солидарен с Павлом в том, что никто не может полностью соблюсти закон, либо вообще не интересовался судьбой «праведников». Ученики Маркиона (см. свидетельство Езника) разработали теорию, согласно которой творец нарушил собственный закон, убив праведного Христа, и таким образом был лишен своей силы. В любом случае творец не рассматривается как сущность равная Благому Богу.

[25] В скором времени в маркионитской церкви возникли разные школы, также как это было в ортодоксальном христианстве (см. свидетельство Родона у Евсевия V 13.2-4). Разные доктрины о принципах, разработанные в них (два, три, четыре принципа, доктрина Марка о двух принципах, в которой творец рассматривался как злая сущность) объясняют разные свидетельства отцов церкви о Маркионитах. Единственным из учеников, кто действительно отделился от учителя, был Апеллес (Tertull., de praescr. 30). Его идеи важны, так как демонстрируют возможность сохранения идей Маркиона без дуализма. Апеллес, также как и Маркион, отрицал Ветхий Завет. Но он иногда смягчал строгость своего учителя. С другой стороны, часть Ветхого Завета Апеллес считал неправдой и сказками. Показательно, что у Апеллеса были пророки: в церкви Маркиона ничего не слышно о них и сам Маркион никогда не апеллировал к Духу и пророчествам.

[26] Маркион называл Христа «духом спасения». Из трактата Тертуллиана мы можем сделать вывод, что Маркион отделял Христа от Бога и что он не разделял их (например: I. 11, 14; II.27; III. 8, 9, 11; IV 7). Мы здесь опять сталкиваемся с ситуацией отсутствия теологического мышления у Маркиона. Особенно важным он считал тот факт, что Бог явил себя в Христе. Позже маркиониты разделяли идеи патрипассионизма, на этом основании их часто соединяли с савеллианами. Но в церкви Маркиона существовали также и другие христологии, что в очередной раз доказывает ее независимость от схоластических доктрин.

[27] См. начало Маркионова Евангелия.

[28] Тертуллиан предоставляет достаточно информации об этом. Тело Христа, как считал Маркион, было «тенью» или «фантомом». Его ученики разделяли это мнение, но Апеллес создал собственную доктрину тела Христова.

[29] Отцы церкви признают строгий аскетизм Маркиона и его последователей. Тертуллиан Tertull., de praescr. 30 пишет о «маркионовом воздержании», о строгом запрете брака I. 29; IV. 11, 17, 29, 34, 38; V. 7, 8, 15, 18; пищевых

ограничениях I. 14. Мы знаем о кинической жизни маркионитов Hippol., Philos. VII. 29; многочисленных мучениках Euseb, H. E. V. 16. 21. Маркион называл своих последователей (Tertull. IV. 9, 36) «сострадавателями и соненавистниками».

[30] Tertull. 1.20. «они говорят, что Маркион не внес новое правило разделения Закона и Евангелия, а скорее исправил измененное ранее». См. также отчет Епифания, взятый из Ипполита о появлении Маркиона в Риме (42. I. 2).

[31] Мы можем еще раз вспомнить, что Маркион апеллировал не к секретной традиции, но к Духу.

[32] В своей оценке 12 апостолов Маркион опирался главным образом на Послание к галатам. См. также Tertull. I. 20: IV. 3. V. 3; de praescr. 22.23. Он пытался доказать, что 12 апостолов неправильно поняли Благою весть и проповедовали Евангелие, отличное от того, что проповедовал Павел; они неверно приняли Отца Иисуса Христа за бога-творца и вернулись обратно в иудаизм. См. Iren. III. 2.2. «апостолы к словам Спасителя примешали нечто от закона» III.12.12: «Апостолы, все еще придерживаясь иудейских мнений» etc.

[33] Призвание Павла Маркион рассматривал как явление Христа, равное его первому явлению и служению; см. сообщение Езника: «Затем Иисус во второй раз в божественном образе сошел к Владыке созданий, дабы судиться с ним за свою смерть... Иисус говорит ему: «Я пришел судиться с тобой, и пусть между нами не будет другого судьи, кроме написанного тобой же Закона... Не ты ли в своем Законе написал – кто совершит убийство, сам должен быть убит». И в ответ: «Да, я написал». Иисус говорит ему: «Значит, сдайся мне, дабы я убил тебя». И Владыка созданий...начал умолять его: «В ответ на то, что я преступил закон и убил тебя по неведению, не зная, что ты Бог, считал тебя человеком. В отпущение за это я отдаю тебе всех, кто пожелает верить тебе, дабы ты повел их туда, куда захочешь». Затем Иисус, оставив его, отыскал Павла, сообщил ему о цене (отпущения) и послал проповедовать о том, что «мы куплены дорогой ценой» и всякий верующий в Иисуса, продан справедливым (богом) доброму

(Богу)». Это наиболее содержательный отчет, поскольку из него видно, что в Маркионитских школах Павлово учение о примирении трансформировалось в драму, происходящую между смертью Христа и призыванием Павла.

Маркиониты считали, что Евангелие Павла основано не на смерти Христа на кресте, но на том, как оно изменило историю. О Павле как о единственном апостоле истины см. Tertull. 1 20: III. 5, 14 : IV. 2 sq.: IV. 34: V. I. Также маркиониты полагали, что миссия Павла была исполнением обещания послать Духа.

[34] В своих «Антитезах» Маркион, вероятно, прямо говорил об иудейской порче посланий и Евангелия Павла.

[35] Церковь Маркиона считала его реформатором, что до сих пор не все понимают, хотя есть много фактов, подтверждающих это: (1) Маркионитская церковь называлась в честь Маркиона (Adamant., de recta in deum fide. 1.809 ; Eriph. h.42. У нас есть маркионитская надпись, которая начинается со слов: »sunagwe Markiwnistwn». (2) «Антитезы» Маркиона были частью маркионитского канона, т.е. канон включал в себя Евангелие Христа, послания Павла и книгу Маркиона. (3) Origen (in Luc. hom. 25. T. III. p 962) сообщает, что по утверждениям маркионитов, Павел восседает по правую руку от Христа, а Маркион по левую. (4). Поздний арабский источник называет его «первоапостолом». (5) Юстин – первый оппонент Маркиона, помещает его рядом с Симоном Магом и Менандром – основателями религий.

[36] Маркион называл свое евангелие просто Евангелием Господним и утверждал, что это было то Евангелие, которое имел в виду Павел. Впоследствии маркиониты приписывали авторство это Евангелия частью Павлу, частью самому Христу.

[37] Общины энкратитов и учеников Апеллеса находились между католическим христианством и маркионитской церковью. Цельс упоминает общины маркионитов (Ориген Против Цельса V. 61 – 64).